

Леонид Моргун

ГАТДАННИЕ НА КРОВИ

трагедия из античной жизни

16+

Леонид Иванович Моргун

Гадание на крови.

Драма в 4-х действиях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63590421

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95235-5

Аннотация

Странная история разыгралась в столице императорского Рима в самом конце 1 века н.э. В городе был арестован и привлечён к суду если не сам бог, то человек, претендовавший на самое близкое с ним сродство... Вместе с ним по обвинению в убийстве и совершении недопустимых обрядов под суд пошли выдающиеся политики, военные, сенаторы, отпрыски лучших семей, что едва не повлекло за собой потрясение самих устоев общества.

Содержание

Действие первое

6

Конец ознакомительного фрагмента.

71

Леонид Моргун

Гадание на крови.

Драма в 4-х действиях

Действующие лица:

А п о л л о н и й из Тианы – бродячий философ

Д а м и д – его ученик

Д о м и ц и а н – император Рима

Д о м и ц и я – его жена

К л е м е н т – ее брат

Н е р в а -

Р у ф – сенаторы

О р ф и т – писатель

В е й е н т о н -

К р и с п и н -

М о н т а н – приближенные Домициана

Р у б р и й -

А р м и л л а т -

Э л и а н – начальник дворцовой стражи (префект претория)

П а р ф е н и й – спальник императора

А л ь б и н а – гетера

П а р и с – актер-»герой»

Д и ф и л – актер-»героиня»

Л а т и н – актер-»пантомим»

Д е м е т р и й – философ

Т ю р е м щ и к

Б е д н я к

Б о г а ч

Сенаторы, судьи, солдаты, рабы, служанки, горожане.

Действие происходит в Древнем Риме, Коринфе.

Время действия: 95 – 96 годы нашей эры.

Действие первое

Явление первое

Вечер. Сад, разбитый вокруг виллы сенатора Нервы.
Дифил, потом Домиция, Парис, Альбина, Орфит, Руф
Нерва. Только что закончилось сценическое представление.

Д и ф и л (вбегая)

Долой!.. Долой! Парик, котурны, груди,
Фальшивый зад и локоны витые!

Клянусь, уже себе в наряде женском

Кажусь я чем-то средним меж мужчиной

И женщиной, особенно как строить

Вновь начинает глазки Армиллат.

Как ненавистен мне убийца этот!

Палачь проклятый, по его доносам

Все говорят, людей погибло больше,

Чем от Везувия, когда горящей лавой

Помпеи он залил с Геркуланумом.

Его отправил с нами император

В сопровождение своей супруги.

Младенец умер у нее недавно.
Теперь она спешит в Самофракию,
Чтобы Богине жертвы принести
И выполнить второго поскорее.
А я так думаю, когда б она к Приапу
Плодотворящему имела снисхождение,
Гораздо б больше шансов поимела
Ребенка вымолить. Хотя, куда ей?
Хранит она невинность, как весталка,
Чем гонит воздыхателей несчастных.
У каждого из них свои приемы,
Чтоб сокрушить твердыни целомудрия.
Орфит, писатель, сочиняет оды.
Руф, друг его, все зыркает глазами
Да речи произносит о паденьи
Латинских нравов. А мой друг Парис,
На сцене нашего театра ставит пьесы,
В которых, отомстив мужьям-тиранам,
Их дураят жены с ловкими дружками.
Она смеется, но себя блюдет...
Да вот они! Куда бы затаиться,
Чтобы узнать, о чем они воркуют?..
(прячется под застланное ложе)

Входят Д о м и ц и я и П а р и с

Д о м и ц и я

Несчастный Одиссей! Когда б узнал он,
Как дерзко ты с неверной Пенелопой
Его обставили – удрал бы из Аида,
Чтобы тебя распять, как Иксиона,
На колесе пылающем.

П а р и с

С восторгом

Я принял бы подобную же участь,
Когда б мне удалось, как Иксиону,
Прижать к груди жену владыки мира.

Д о м и ц и я

Конечно, встретив в рубище ее,
Ты ей не подарил бы даже взора.
Другое дело – «быть с женой владыки»!

П а р и с

Напрасно ты считаешь, что погреться
Хоочу в лучах твоей золотой короны.
Лукавлю я, как правило, на сцене,
А в жизни быть хочу самим собою.
И если говорю с тобой, то честно.
Слова мои от мыслей не разнятся.
Поверь, тебя люблю я...

Д о м и ц и я

Это слово

Опять ты произнес? Ну сколько можно
Мне повторять: не верю я любовям
И театральным вашим страстотерпцам.
Смешны коровьи страсти Клитемнестры,
Электры вопли, стоны Андромеды.
Ну где ты видел этакое в жизни?
С реальностью имеют ваши пьесы
Настолько ж мало общего, насколько
Смешны попытки вашего Дифила
За женщину нормальную сойти.

П а р и с

Бедняга, так старался на девицу
Он походить, что и в обычной жизни
Ходить уж начал, бедрами виляя...
И я актерство так же начинал.

Д о м и ц и я

Противны мне подобные потуги!
Нельзя уродство выдать за искусство

П а р и с

Но я ведь так же мало схож с Язоном

И Геркулесом... А меж тем играю,
И душу свою вкладываю в роли.
И я... урод?

Д о м и ц и я

Я так не говорила.

Мужчина ты и держисься прилично

До той поры, пока не начинаешь

Мне вновь надоедать своей «любовью».

П а р и с

Но что же делать, коль мутится разум?

Глаза застит туман, в душе смятенье,

Когда тебя увижу? Что мне делать,

Коль сердце наполняет ликование

И трепет, стоит голос твой услышать?

Д о м и ц и я

Безумец, тише!..

П а р и с

Если я безумец,

Тогда пушусь я в пляску, всем на ужас

Дом подожгу, на дерево полезу

И бесноваться буду, восклицая:

«Домицию, Домицию люблю!..»

Д о м и ц и я

Сказала я тебе, чтоб это слово...

П а р и с

Прости, его не повторю я больше.

Но если б согласилась ты однажды

Поговорить со мною с глазу на глаз,

Тебя у бедить бы постарался,

Что есть любовь великая на свете.

Д о м и ц и я

Ну что ж... Согласна я. Сегодня ночью

Когда уснет мой братец, что шпионить

За мной приставлен, я тебя приму.

Я из-за храпа жуткого его

Все ночи провожу без сна. Готовь же

Все доводы свои в защиту чувства,

В которое я, в общем-то не верю...

(уходит)

П а р и с

О как бы я хотел не оппонента,

А слушателя вдумчивого встретить

В твоём лице...

Входит А л ь б и н а

А л ь б и н а

Привет, Парис! Дифила не встречал ты?

П а р и с

Нет, а на что тебе он?

А л ь б и н а

Отодрать

Его решила за уши, паршивца!

П а р и с

Да в чем он пред тобою провинился?

А л ь б и н а

Он начал строит глазки Армиллату.

А тот – моя законная добыча.

П а р и с

Постой, но ты ведь езала с Клементом.

Иль уже брат императрицы нашей

Остыл к тебе так быстро?

А л ь б и н а

Вот уж дудки!

Такой еще на свете не родился
Красавец, чтобы первым меня бросил.
Он просто надоел мне. Вот зануда!
Храпит ужасно и орет во сне.
А Армиллат, хоть сволочь, но богатый
И щедрый, говорят...

П а р и с
Так, как сандалиии
Господ своих меняешь

А л ь б и н а
Да, я, к счастью,
В отличие от вас, господ-актеров,
Вольна играть в какой угодно пьесе
И выбирать сама себе хозяев.
(уходит)

П а р и с
Подумать только, даже проиститутка,
На ложе у которой побывало
Мужчин побольше, чем в ином сортире,
И та пред нами вольностью кичится!
За что ты нас караешь, Мельпомена?
Иль на роду написано актерам
Столетиями пред властью пресмыкаться?

(уходит)

Д и ф и л (выглядывая)

Вот это да! Удобнейшее место!

Клянусь, куплю у Нервы это ложе.

Как много тайн заветных мне открылось

За полчаса, что я под ним провел.

Ба, вот и сам хозяин. Неразлучны

С ним два сенатора, Орфит и Руф.

Что ж... снова спрячусь!..

Входят Нерва, Руф и О р ф и т

Р у ф

Ну не молчи, скажи одно лишь слово:

«Да» или «нет». Орфит, зачем молчишь ты?

Н е р в а

Не расточайте перлы красноречья,

Чтобы меня склонить на это дело.

Я не был никогда авантюристом.

О р ф и т

Но ведь тебе никто не предлагает

Начать войну иль заговор возглавить.

Н е р в а

Да получить вам надо лишь согласие
На то, что б я возглавил государство,
Когда вы императора убьете...

Р у ф
Т-с-с!.. Разве можно громко
Об этом говорить?

Н е р в а
С саду моем
Ушей я не ращу.

Р у ф
Не значит это,
Что у других они завяли.

Н е р в а
Пусть же слышит,
Кто может: я, сенатор Нерва, бывший консул
Дать не могу согласия своего
На это злодеяние.

О р ф и т
Итак, на троне
По-прежнему останется тиран...

Н е р в а

Мне тоже он не нравится нисколько..

Но где найти нам Августа второго?

А впрочем, поступайте, как хотите.

Р у ф

Тогда... покончу нынче ж я с собою,

Пока на нас обоих не донес ты.

Н е р в а

Я знаю вас обоих с малолетства.

Дружил сызмальства с вашими отцами...

Р у ф

И все равно, ты донести обязан.

Иль в случае провала сам погибнешь.

Нельзя нам медлить дольше. С каждым часом

Становится свирепее тиран.

Уже досье готово на Орфита.

Н е р в а

За что?

О р ф и т

За книгу новую мою

Ее конфисковали.

Н е р в а

Как же слышал,

«Записки об эпохе»... Да, занятно...

И очень едко... Что ж вы замолчали?

Коль все у вас готово для удара,

Смелее бейте!

О р ф и т

Нет среди нас единства

Р у ф

Боимся все мы худшего тирана.

Коль власть возьмут Кристин иль Вейентон,

Страна в крови потонет. Элиану

Не доверяем мы.

Н е р в а

Лихим рубакой

Он раньше был...

Р у ф

Стал тряпкой половою.

Сломался он под страхом каждодневным.

Когда б ты согласился власть принять,

Сам бог спасти б не мог Домициана!

Н е р в а

Не знаю я... Все это так похоже
На сальца лакомый кусочек,
Привязанный к взведенной мышеловке...

Входит раб.

Р а б

Мой господин, у нас уж все готово.
Кабанчик стынет, устрицы томятся
И застывает сало на фазанах...

Н е р в а

Зови гостей! Уж коль мою хибару
Императрица с братом посетили
И даже нас порадовали пьесой,
Достойно мы отпратим за нее!
Пир зададим такой, чтоб и лукуллу,
Когда он видит нас, завидно стало!

Уходят.

Дифил (выглядывая из-под ложа)
Погиб! Пропал! Увы, Дифил несчастный!
Будь проклаты и день тот, и мгновенье,

Когда решил под ложе я забраться.
Сейчас мне и прокрустово б милее
И безопасней показалось... Прочь! Немедля!
Бежать отсюда...

Входит А р м и л л а т.

А р м и л л а т
Погоди, любезный!
Не убегай, лукавый постреленок!

Д и ф и л
Н вот еще! Чего ты привязался?
Что бегаешь за мной, урод кровавый?

А р м и л л а т
Грубишь напрасно. Было бы мудрее
Тебе принять и золото, и дружбу,
Которыми тебя осыплю щедро.

Д и ф и л
Мне дружба не нужна твоя!

А р м и л л а т
А деньги?
Я полный кошелек тебе насыплю,

Когда расскажешь мне все, что услышал
Ты, милый друг, под ложем притаившись.

Д и ф и л

Клянусь вам, я полез под это ложе
Колечко поискать и совершенно
Не видел никого да и не слышал!

А р м и л л а т

Врешь, голубок, за Нервой два часа я
Приглядываю, по губам пытаюсь
Прочесть, о чем они болтают тут с Орфитом
И Руфом. Тайну я тебе открою:
Они уж на крючке у государя,
Всех ждет арест с минуты на минуту.
Домициану нужен только повод,
Чтоб их отдать под суд. Орфиту с Руфом
Он разрешил жену на богомолье
Сопровождать затем, чтоб дать возможность
Им вдосталь поругать себя, затем же
Меня послал подслушивать за ними.

Д и ф и л

Зачем ты мне все это говоришь?

А р м и л л а т

Затем, чтоб понял ты, своим доносом,
Ты участи не переменишь их.
Орфит, Руф, Нерва – все они погибнут.
Ничто их не спасет. Но предлагаю
Тебе я сто сестерциев за то, чтоб
Ты рассказал, о чем они болтали,
Прогуливаясь здесь. Ты это слышал.
Не отрицай.

Д и ф и л

Ну, прям как клещ вцепился!
Пошел отсюда, подлый соглядатай!
Откуда вас так много расплодилось?!
Не ты ли доносил на нас, как будто
Мы пьесами веселыми своими
На что-то там такое намекаем?
Пошел к чертям! Коль что я и услышал,
Я сам о том скажу Домициану.
Меня он любит и поверит мне,
И наградит не сотнею сестерций
А полновесным золотом червонным! (убегает)

А р м и л л а т

Ну, молодежь пошла! Всего от роду
Шестнадцать лет, а знаю досконально
И выгоду свою и где удобней

Смолчать, а где – сказать. Держись, негодник!
Посмотрим, как ты дальше запоешь,
В тот час, когда заставлю я тебя
Играть в моей комедии роль жертвы! (уходит)

Явление второе

Богато убранные столы установлены в саду. За столами на трехместных ложах, так называемых «клинах» возлежат Нерва, Орфит, Руф, Парис, Дифил, Альбина, Клемент, Армиллат. Домиция сидит в кресле. Им прислуживают рабы, разнося закуски и подливая напитки.

Н е р в а

И что же, он так прямо и сказал?

Р у ф

Так и сказал, причем ломая руки:

«Отцы-сенаторы, позвольте вас просить

О милости, которой мне добиться

От вас, я знаю, будет нелегко.

Молю вас не карать злодеев строго.

Позвольте им самим уйти из жизни

Кто как захочет. Пусть простятся с жизнью

Они в кругу родных своих и близких,

Избавив нас от зрелища лихого...»

(Клементу) А дальше как?

К л е м е н т

«...и чтоб народ нас не винил за строгость,

А понял, что и я был на суде

И вас склонил судить помилосердной...»

(общий смешок)

Д о м и ц и я

Неправы те, кто упрекал супруга

В отсутствии талантов. Пусть Нерону

Он не чета, стихов не сочиняет

И песнями народ не веселит,

Но роль свою отменно исполняет.

При этом сцена для него – сенат...

П а р и с

А мир – театр!.. Но где аплодисменты?

А-у-у! Эй, публика, куда ж ты подевалась?

Ах, меломаны, театралы, вот я вас!..

Да вот они! Ну как же – все довольны.

Наш зритель тих и умиротворен,

Но аплодировать возможности лишен —

В ладошки его гвоздики забиты.

(Корчит рожу, разводит руками, изображая распятого. об-

щий смех).

Д о м и ц и я

А ты, Парис, отчаянный завистник.

Все злишься, что за жизнь свою в театре

Сыграть ты был не в силах сотой доли ролей Домициана...

П а р и с

Непременно

Ему скажи, что я и не стремился

Тягаться с богом, мы актеры, помним,

Какая участь Марсия постигла.

Разим мы деревянными мечами.

Коль льется кровь – она из кошенили.

Текут обильно лукавые слезы,

И даже женщин царственных в театре

Играют наши мальчишки-актеры...

Д и ф и л

Причем превосходя реальных женщин

Манерами, изяществом и нравом.

А л ь б и н а

Тьфу! Извращенец! И нашел, чем хвастать!

Не место нашим женщинам на сцене.

Они должны дарить любовь и нежность,

Ведь я права?!

К л е м е н т

Всегда права ты, милая вакханка,
Особенно когда пылаешь гневом
И мечешь молнии...

Н е р в а

Но все-таки, друзья,
Давайте предоставим лицедеям
Своей капризной музе поклоняться,
Гетерам возносить хвалы Киприде,
А нам, мужам, в сенате облысевшим,
Молиться господину своему.

О р ф и т

Да будет с ним палладиум Минервы!

Все (хором)

Да будет!

(Пьют)

Д о м и ц и я

Вот, право же, несчастнейшая участь
Супругой быть владыки государства.
Куда ни глянешь – вмиг все очи долу,

Хоть в рожу плюнь – осклабятся умильно.
Все сводят речи к вечной благодати,
Которая сияет над супругом,
Как будто он хоть шевельнул мизинцем,
Чтобы поста добиться своего.

Н е р в а

Никто не говорит, что он стремился.

Р у ф

Случайность привела его к престолу.
Его брат, Тит, почил от лихорадки...

Д о м и ц и я

Да не о том я!

А р м и л л а т

Сорок человек

Плетями на комиции забили.

Всю лавку книжную, приказчиков, рабов

Что пасквиль злонамеренный читали

И переписывали. Пишут негодяи,

Что больно уж некстати лихорадка

Свалилась на божественного тита,

Что яд ему в грибах преподнесли...

Н е р в а

Так что же ты, миле1йший, уверяешь,
Что незаконно государь наш правит
Четырнадцатый год?..

А р м и л л а т

Я только рассказал вам о процессе,
Который проходил на той неделе...

Входит управитель

У п р а в и т е л ь

Вас спрашивают двое.

Н е р в а

Кто такие?

У п р а в и т е л ь

Диковинного вида, тог не носят,
Но держатся уверенно и нагло.

Н е р в а

Чего им надо? Ты у них спросил?

У п р а в и т е л ь

Они сказали: их ты пригласил.

Н е р в а (вставая)

Простите, отлучусь я на минуту...

Д о м и ц и я

Ни в коем случае! Зови-ка их сюда,

А мы посмотрим, с кем ты дружбу водишь,

Так далеко от рима удалившись.

Н е р в а

Однако, я клянусь вам, на сегодня

Не звал я никого... (управителю) пускай войдут!

Управитель уходит и возвращается с Аполлоном и Дамидом

Н е р в а

Сказали вы, что мной приглашены,

Но я обоих вас впервые вижу.

А п о л л о н и й

Когда ты Нерва, о котором я

Наслышан уж порядком, то меня ты

Не знать не можешь. Слышал я, скупаешь

Ты книги философские, в которых

Мужи мудрейшие разгадки ищут

Задач, что нам природа задала.
Когда ты собираешь их усердно
Под кров гостеприимный, я подумал,
Что в доме у тебя Найдется место
И одному философу живому.

Д о м и ц и я (захлопав в ладоши)
Так ты философ? И бродячий? Что за прелесть!

А п о л л о н и й
Да, госпожа, хотя не нахожу
В том ничего забавного для женщин.

Н е р в а
Скажи мне свое имя.

А п о л л о н и й
Аполлоний.

О р ф и т
Из Тианы?

А п о л л о н и й
Вот именно.

О р ф и т (Нерве)

Ты помнишь?

Тебе о нем писал я.

Н е р в а

Как же, как же...

Я о тебе порядочно наслышан.

Прошу, распорядись в этом доме,

Как в собственном, приляг скорей к столу...

А п о л л о н и й

Позволь мне сесть. Лежу я лишь во сне.

Н е р в а

Как хочешь. Мальчик, кресло господину.

С тобой твой друг?

А п о л л о н и й

Он верный ученик мой.

Н е р в а

О, счастливец! Мечтал и я в свои молодые годы

Всецело философии отдаться,

Отправиться в Элладу и пристать там

К какой-нибудь смиренномудрой школе...

Поешьте же, вы голодны, наверно,

Вот устрицы, кабанчик приостыл,
Но, кажется, еще вполне съедобен...

А п о л л о н и й
Я съем немного хлеба и оливок.
Осмыслив место человека в мире,
Где он – лишь тварь, ничем не лучше прочих,
Стараюсь я не жить за счет других.
Ведь и улитки, и тунцы, и свиньи
Одарены великим правом жизни,
Телами их стесняюсь я питаться

Д о м и ц и я
А молоком?

А п о л л о н и й
Оно нужней телятам.

Д о м и ц и я
Но носишь ты хитон. А шерсть, конечно
Нужней овечкам...

А п о л л о н и й
Истинная правда.
И потому хитон ношу льняной я.
Он солнцу лишь обязан проявлением

На свет, да нашей Матери-Земле.
И им я жертвы приношу смиренно.

А р м и л л а т
И что же ты им жертвуешь, философ?
Коней, быков иль телок злоторогих?

А п о л л о н и й
Я возношу им горсть воды студеной,
Свои слова, идущие от сердца,
Свои дела, которых не стыжусь.

Н е р в а
Я рад, что ты, мудрейший Аполлоний,
Меня вознаградил своим приходом.
Вином массикским терпким и душистым
Прошу почтить я истинную мудрость,
Ту мудрость, что спасет наш мир злосчастный
От полного паденья в бездну мрака.
(Пьют).

А л ь б и н а
А почему не пьет виновник тоста?
Вино – оно лишь цветом схоже с кровью,
А давится из виноградных гроздий.

А п о л л о н и й

Я знаю, как вино изготавливают.

Вы пейте, коль вам гнравится туманить

Рассудок свой, философу нужнее

Иметь на мир взгляд трезвый и холодный.

Н е р в а

Какая честь для моего жилища

Приютом быть тому, перед кем дворцы

Открыты были.

А л ь б и н а

Это... перед этим?..

И у кого ж бывал ты во дворцах?

А п о л л о н и й

Был у царя парфянского Вардана,

У мудрого индийского Фраата,

Был в Мидии у славного Пакора.

А л ь б и н а

Коль ты такой мудрец, так отчего же

Не смог у них ты выцыганить денег,

Чтоб дом себе купить, одежду справить,

А бродишь с клюшкой по миру, как нищий,

И даже без сумы.

А п о л л о н и й

Что ж тут такого?

Не нищий я, сума мне не нужна.

Богаче я всех Крезов и Мидасов.

Ваш цезарь предо мной – бедняк последний.

А р м и л л а т

Есть золото у тебя?

А п о л л о н и й

Получше золота.

Валюта, что с годами не тускнеет,

А р м и л л а т

Дай посмотреть!

А п о л л о н и й

Дам, коли взять сумеешь.

Мое богатство – Правда, Доброта,

Честь, Рассудительность и Справедливость.

А р м и л л а т

Хорош товар... да только в этом мире

Не ценится.

А п о л л о н и й

Вина в том не товара,

А мира вашего, верней, его беда.

Д о м и ц и я

Я думала, ты маг и чародей,

Покажешь фокус нам, глотнешь огонь,

Стеклом закусишь... Ты же все бормочешь

О чем-то непонятном...

П а р и с

Ах, царица!

Да он актер! И кстати, бесталанный.

В отличие от нас, что с реквизитом

Мотаются по городам и весям,

Играя нынче здесь, а завтра там.

Он носит свой театр в самом себе

И развлекает не толпу людскую

А знатных грамотеев, вроде Нервы.

Ведь верно, брат Дифил?

Д и ф и л

Да, брат Парис.

Не сравнивал бы я его потуги

С искусством муз, хоть он и Аполлоний.

А п о л л о н и й

И ты судья мне, лицедей бескровный,
Утративший и пол, и естество?

П а р и с

Да, он актер, и что же из того?

Мы честно зарабатываем деньги.

Сегодня я – Парис, а завтра стану

Иль Агамемноном иль богом Аполлоном,

Я воплощаюсь в сотни разных масок,

Своим искусством праведным неся

Простым плебеям, всадникам, вельможам

Великие и вечные идеи. Добра и Света.

И счастлив я, когда людское стадо,

Лишь час назад безумное, тупое

Под действием волшебных чар театра

Становится добрей и человечней,

И прокликает силы Тьмы и Злобы,

Которые сегодня правят миром.

И если нынче есть у нас Мораль,

И ходим мы на двух ногах, питаюсь

Вином и хлебом, а не мясом человеческим,

Так в том заслуга вечного Искусства,

Что мир спасает от паденья в пропасть.

А что несешь им ты?

А п о л л о н и й

Несу я правду.

Ту истину, прямую и простую,

Которая таится в ваших душах,

Как птица в клетке. Как же вы боитесь

Ее на волю выпустить, стыдитесь

Самим себе признаться в трупоедстве.

«Мораль», ты говоришь, а сам развратен,

«Хлеб и вино», а как же миллионы,

Что лишены и корки плесневелой

И продают детей своих в неволю,

Чтоб только прокормиться. Каннибалы

Сидят во всех присутственных местах.

Любая должность преискурант имеет

И чуть ли с молотка не продается.

А р м и л л а т

Про то, возможно, цезарь наш не знает...

А п о л л о н и й

Не знает?

Значит грош ему цена!

Д о м и ц и я

Ну и смельчак!

Н е р в а

Эй! Кто там?! Что стоите!..

Вина давайте! Выпьем, господа...

Д о м и ц и я

За что прикажешь пить, коль не оставил

Нам тем для тостов твой любезный гость.

А л ь б и н а

Я предлагаю выпить за Любовь!

Она нас отличает от животных,

Она одна роднит людей с богами.

Она – услада вечная и радость!

Все тленно в мире, лишь Любовь вечна!

В с е

Браво! Восхитительно! Прелестно

К л е м е н т

Станцуй нам, несравненная. тем самым

Докажешь ты угрюмому скитальцу,

Что есть на свете вечный идеал.

А л ь б и н а

Охотно, господин мой!..

(Танцует вакхический танец. К ней присоединяются Ди-

фил и Парис)

Н е р в а (А п о л л о н и ю)

Я, право, сожалею,

Что ты попал во внеурочный день.

Гостит у нас императрица с братом.

С друзьями я сегодня собираюсь

Попеть, потанцевать, повеселиться.

Мы мудростью займемся на досуге.

А п о л л о н и й

Не девка мудрость, чтоб возиться с нею,

Когда угодно плоти. Откровенно

Скажу, что не обижен на тебя.

Ты – просто человек, и уст твоих

Пока источник Правды не коснулся.

О р ф и т (указывая на танцующую Альбину)

А это... Ты не считаешь истиной великой?

В чем правда, как не в сладостной гармонии

Искусства, Красоты и Вдохновенья?

А п о л л о н и й

Талантливым природы отраженьем

И осмыслением законом бытия

Искусству должно быть, я полагаю.

Когда ж ты этим словом именуешь
Прыжки покрашенной, полураздетой шлюхи...

А л ь б и н а

Ах ты... мерзавец! Дурень волосатый!
Ты – хам! Какая шлюха я тебе?

А п о л л о н и й

А кто же ты, прости?

А л ь б и н а

Я? Я – гетера!

Искушена я в пении и танце,
Обучена и грамоте недурно
Могу гостей занять беседой светской.
Да если хочешь знать, мне Ювенал
Перед отъездом посвятил эклогу!

А п о л л о н и й

Прости, тогда ты прижды шлюха. Если
Портовые торгуют только телом,
Ты, милая, блюдишь еще талантом...

Д о м и ц и я

Так ты и наслажденье отрицаешь,
Как деньги, красоту, искусство, танец?

Во что же веришь ты?

А п о л л о н и й

Лишь в человека.

И в то его высокое призванье,

Что не счейчас, но через тьму веков

Его поднимет до вершин Олимпа.

А р м и л л а т

Да ты же – еретик! В богов не веришь!

Так и запишем!

А п о л л о н и й

Как же я могу

Не верить в них, когда любые боги

Ко мне благоволят? Предупреждают

О всяких напастях и просто помогают.

Д и ф и л

Так ты – провидец? Это презабавно.

А может быть ты что-то предречешь нам,

Такое, чтоб поверили мы в мудрость

Твою и истинность ученья?

А п о л л о н и й

Я не хотел бы злоупотреблять

По пустякам искусством предсказанья.
Ну... скажем... чрез неделю или две
Чума должна в округе разразиться.
Поэтому вам лучше возвратиться.

Д и ф и л

Шалишь, философ, через две недели
И дух простынет твой. А смерти день
Ты нагадать кому-нибудь сумеешь? Хотя бы мне!

Н е р в а

Не место здесь для глупостей. Гаданья,
Как всем известно Цезарь запретил.

А п о л л о н и й

И прав был. Потому что шарлатаны,
Используя доверчивость людсакую,
На магии неплохо наживались.
Но не возьму с непго я ни гроша.
Во-первых, равнодушен я к богатству,
А во-вторых, ему и так недолго
Бродить по жизни. Пьянство и гетеры
Его убьют скорей, чем острый нож.

Д и ф и л

Так будешь ты гадать?

А п о л л о н и й
И всеж, подумай.
Удел ужасный знать кончины день.
Забудешь ты давешнюю беспечность.
Ты похоронишь заживо себя
И обратишь дни ожидания в пытку,
С которой даже Танталловы муки
В сравненье не идут...

А р м и л л а т
Несчастный мальчик!
Его душа горит от страшной тайны,
Которую он давеча подслушал,
В саду, под ложем прячась...

П а р и с
Что за тайна?

Д и ф и л
Нет-нет, Парис, клянусь,
Я тайну сохраню твою и... Дьявол!
Так будешь ты гадать?

А р м и л л а т (Нерве)
Он много слышал.

И записал твою беседу с Руфом.

А п о л л о н и й

Я не хочу законов нарушать.

Д о м и ц и я

А я от них тебя освобождаю!

Гадай ему, к оль ты и впрямь способен

Провидеть нити, что прядут нам Парки.

А п о л л о н и й

Освободите стол и дайте нож.

А р м и л л а т

Так что же, ты его резать хочешь?

А п о л л о н и й

Нисколько. Я хочу ему открыть

День смерти, коль он сам того желает.

Царапну я его и в капле крови

На лезвии ножа ему явится

Все, что ему фортуна посулит.

Д и ф и л

Что ж, я готов!

А п о л л о н и й

Лежи, не шевелись.

Глаза раскрой пошире, тихо внемли
Биению сердца своего, сосредоточься
На язычке светильника. Прошу вас,
Все прочие огни задуть. Итак,
Жизнь твоя – пламя на конце свечи,
Колблемое буйными ветрами...

А л ь б и н а

Ой! как мне страшно!

П а р и с

Дурочка, не трусь,

Таких лихих парней, как наш Дифил,
Лишь черт с рогами испугать способен,
Да и тому он живо хвост накрутит...

О р ф и т

Напрасно мы затеяли все это...

Р у ф

О, как бы я желал, чтобы блудливый
Щенок Домицианов нынче ж помер!..

Н е р в а

Не надо волноваться. Обвиненья
Все ваши на себя приму я, ведь недаром
Я все-таки заслуженный сенатор
И бывший консул...

Р у ф

Или ты не знаешь,

Что в наше время ни один из смертны[

Не может быть от плахи застрахован?

*(Аполлоний производит над Дифилом магические пассы,
погружая его в транс).*

А п о л л о н и й

Проснешься ты, шипение слышав

Своей крови на лезвии ножа,

Когда ее огонь свечи коснется,

Узнаешь ты своей кончины миг...

А р м и л л а т

Смотрите, нож он в сердце погрузил!..

Д а м и д

Совсем не в сердце, только поцарапал!..

Д и ф и л

О боги... что вы... Никогда!.. Неправда!..

Молю вас: нет! Нет, только не сегодня!
За что?! За что? О боже мой! За что?
(рыдает).

Зажигается свет.

Н е р в а (Аполлонию)
Когда ему кончину ты предрек?

А п о л л о н и й
Не предрекал я ничего ему. Открыл
Лишь путь ему в пучину преисподней.
И он увидел смерть свою, она
Его, должно быть, скоро навестит.

Д и ф и л
О, горе, горе мне!..

Н е р в а
Не плачь, малыш!
Ну, успокойся, я тебя в обиду
Не дам злодеям черным и убийцам.
Тебя я в лучшей спальне помещу,
Поставлю стражей прям у изголовья.
Двух бывших гладиаторов, они
Ни черта и ни бога не боятся.

Пусть сам Танат придет, его проводят
Они пинками в зад!..

А п о л л о н и й
А я бы попросил
Оставить на ночь юношу со мною.
Мне ведом нрав потусторонних сил
И привидений я не опасюсь.
Ведь так, дамид?

Д а м и д
Нам духи нипочем!
Вот, давеча в горах явился призрак.
Учитель так его заговорил,
Что драпал он пятнадцать миль по скалам,
Округу жутким воплем оглашая...

Д и ф и л
Нет, нет, прошу вас, только не его!
Мне дайте просто комнату без окон,
С засовом прочным на дверях, а также,
Как обещали, стражу не забудьте.
Рабов я ваших щедро одарю,
Чтобы они всю ночь глаз не смыкали.
(Парису) А ты, друг, нож ужасный сохрани.
Картина страшная на нем запечатлелась.

Коль эту ночь переживу, то мы с тобой
Власть над гаданьем этим посмеемся.

Н е р в а (управителю)

Вели немедля комнаты готовить.

Прошу, друзья, по спальням разойтись.

Для вас довольно комнат в этом доме.

Второй этаж весь вам принадлежит,

Императрице предлагаю я

Занять жены моей покойной спальню.

П а р и с

Надеюсь, старина, что ты, забывшись,

Проведать ее ночью не придешь...

О р ф и т

Садись, наглец!

П а р и с

Мне нечего стыдиться.

С Дифилом лягу я, как встарь бывало,

Когда ютились мы в одной конурке.

Н е р в а (Руфу)

Прошу тебя, служанкам прикажи

Им комнату глухую приготовить.

Она второй идет по коридору.
Тебя же, Армиллата и Орфита
Я вместе помещу. А вот с Клементом
Как быть – ума не приложу... (Клемент дремлет)

А р м и л л а т
Пускай покой его хранит Альбина.

Н е р в а
Вот и прекрасно, в самой крайней спальне
Для вас рабы уже готовят ложа.
(Аполлонию и Дамиду)
А вас... не знаю, где и поместить.

Д а м и д
Я предпочел бы лечь на сеновале,
Там меньше комаров, да и устал я.
Мне непривычно столько есть и пить.

Н е р в а
И славно, сеновал – за домом сразу.
И сено только скошено. Я лично
Не знаю ложа лучшего. (Аполлонию) А ты...

А п о л л о н и й
Я предпочел бы отдохнуть в саду.

Н е р в а

Тебе соседство скоро я составлю.
Лишь размещу гостей и вниз сойду.
(Сад пустеет).

Явление третье

Аполлоний в саду, перед домом. Зрителю видны 4 двери в комнаты второго этажа, нижняя часть их перекрыта балконом.

А п о л л о н и й

Какая удивительная ночь...
Недвижим воздух, чуть шуршит листва...
Напоен мир весенним ароматом
Садов цветущих, молодой травы.
Киприда правит бал в такие ночи.
Ее сынок проказливый, не целясь,
Пускает стрелы меткие в сердца.
О, как разит он зло и беспощадно!
Богатым, бедным, холостым, семейным,
Свободным и рабам – всем достается.
Повязка на глазах его, не видит
Кто перед ним: сапожник иль философ...

Но в том и есть философа отличие
От прочих смертных, что способен он
Порыв телесный подавить и трезвым оком
Взглянуть на мир, несовершенный, далкий,
Такой, прекрасный, молодой и... дикий.
Такой невинный в дикости своей...
Такой порочный в сладком неведении...
Подумать страшно, что случится с ним,
Когда пытливым, неумным взором
Проникнут люди в тайны вещества,
И, дикую природу сохраняя,
Научатся сводить моря и горы,
А прежде – истреблять себе подобных.
Какую пытку им судьба готовит!
Страх гибели, тревога, озлобленье,
Гниенье заживо, смрад собственных отбросов
Наполнят мир... Ужасно это знать,
Предвидеть все и – разводить руками,
Не в силах сделать ничего, чтоб как-то
Чему-то подействовать, поправить,
Предостеречь, спасти их от себя...

Во время этого монолога на втором этаже появляется служанка. В руках ее поднос с чашкой, лицо прикрыто покрывалом. Она подходит к стражам, и о чем-то с ними переговаривается, что-то шепчет в дверную щель. Дверь отворяет-

ся ровно настолько, чтобы туда могла пройти чашка и снова захлопывается. В это время на балконе появляется Нерва.

Н е р в а (служанке)

Ты кто такая? Что тебе здесь надо?

(стражам) Зачем ее вы к двери допустили?

С л у ж а н к а

Я – Мевия из свиты госпожи Домиции.

Меня она послала, чтоб передать целебное питье

Актеру-мальчику. Да... как его?.. Дуфалу.

Н е р в а

Он разве болен? (стучит в дверь) Эй, малыш, не бойся!

Здесь все свои. Ты разве расхворался?

Это правда?

Д и ф и л (из-за двери)

Да, правда, что-то в жар меня бросает.

То холод смертный кости вдруг прихватит.

Который час?

Н е р в а

Идет вторая стража.

Д и ф и л

Так страстно я еще не ждал рассвета.

Н е р в а

Парис с тобой?

Д и ф и л

А где же ему быть?

При этих словах служанка уходит.

Спит как сурок. Он крепко нынче выпил.

А я не в силах спать. Хмель не берет.

Прости, что не пускаю я тебя,

Но дверь держать я буду на запоре.

Боюсь я разной нечисти летучей,

Что может невидимкой просочиться...

Н е р в а

Нельзя, малыш, таким быть суеверным.

Не верь приметам и гаданьям глупым.

Ляг на бог, подложи ладонь под ухо

И спи, дружок, не бойся ничего.

(поворачивается к рабам)

Дом обойдите и проверьте, нет ли

В саду у нас лихого человека.

Увидев Аполлония, подходит к краю балкона.

Прекрасный вечер. Нынешней весною
Эллада мне особенно приятна.

А п о л л о н и й

Святая правда, но еще прекрасней
Она была, когда была свободной.

Н е р в а

Ты говоришь «свободной»? Между прочим,
Впервые за последние сто лет,
Как Грецию мы присоединили,
Она не знает войн, и разве этим
Не благо мы народу принесли?
Благословлять должны нас эти греки,
А не ругать, как делают они.

Во время этой речи за его спиной открывается дверь в
комнату Дифила.

А п о л л о н и й

Когда б народ узнал еще и сытость
Вдобавок к миру, было бы прекрасно.
Там кто-то дверь открыл...

Н е р в а (не оборачиваясь)

Наверно, мальчик

Решил немного воздуха вдохнуть.

Нигде нет идеального правленья.

Наш образ жизни, хоть не безупречен,

Но лучше, чем в восточных деспотиях.

У нас народ на все имеет право...

А п о л л о н и й

Хоть в общем-то ничем и не владеет...

Пойди, взгляни на мальчика! Как будто тяжелый мкамень

у меня на сердце

Из-за гаданья этого... Напрасно

Затеял я все это.

Н е р в а

Отчего же?

Мальцу урок наглядный послушанья

Преподнести полезно иногда.

Подходит к двери, заглядывает в комнату, затворяет дверь.

Спят, спят актеры наши, так тихонько,

Клубочками свернувшись, как котята.

Наверно сквозняком открыло двери.

На балконе появляются рабы.

1-й раб

Спокойно все кругом. Все обошли мы.

2-й раб

Но спят еще не все. На сеновале... (шепчет на ухо)

Н е р в а (смеясь)

Пускай резвятся, дело молодое!..

Спускается по лестнице к Аполлонию.

Н е р в а

Люблю, люблю я нашу молодежь!

Все говорят, вот, мол, они распутны,

Болтать умеют, дела же не знают.

А ведь и нас ругали старики.

И мой отец без слов брался за палку

Как вспомню, веришь, ребра так и ноют...

(Что-то вспомнив, оборачивается к рабам.)

Пятьсот плетей тому, кто отлучится

Или заснет здесь, стоя на посту.

Паршивыми своими головами

За жизнь его ответите мне, черти!

(поворачивается к Аполлонию, продолжает)

О чем я бишь?.. Ах да, о воспитанье,
Но впрок пошла отцовская наука.
Я вырос, воевал, всю жизнь в Сенате.
Народ не понаслышке Нерву знает.
Три раза я декреты отменял,
Которые вводить пытался цезарь,
Двух человек невинных спас от казни,
В суде их защитил, и сам Германник
Скрипя зубами все же согласился
Их оправдать. Я с гордостью законной
И прозвище свое несу по жизни.
Меня все называют «Честный» Нерва,

А п о л л о н и й

Да... нынче честность редкое явление...

Н е р в а

А между тем, за восемьдесят лет,
Пока живу на свете я, не слышал
Никто и слова ложного от Нервы,
Хоть приходилось иногда молчать...

А п о л л о н и й

Порой молчанье может быть страшнее,
Чем горы лжи.

Н е р в а

Я не своекорыстен.

К чужому не стремлюсь, хоть на меня

Все смотрят, как на белую ворону.

Да... Странное сложилось положение

В стране у нас, что славилось от века

Моралью строгой, принципами права

Которые спервые во всем мире

Мы выбила на бронзовых Таблицах.

Какие люди отдали за это

Свои святые, праведные жизни...

О, Брут и Попликола! Братья Гракхи!

Катон суровый! Пылкий Цицерон!

Небось бедняги корчатся в гробах,

Увидев, что с республикою стало.

И, думаешь, не борются со злом?

Сажают мало? Как еще сажают!

Эх, пуганый народ у нас, бывалый!

Все на словах стоят за добродетель,

Но стоит только должности добиться.

Немедля принимаютя тащить.

Воруют страстно, алчно, с упоеньем,

Республику таскают по кускам...

И, что ужасно – это стало нормой!

На вора смотрят прямо с уаженъем,

Он глаз ни перед кем не опускает.

А честный – тот, напротив, в дураках.
Его прошения, жалобы, доносы
Исправно возвращают казнокрадам —
И залобщиков тащат на расправу.

Во время этой речи на веранде появляются Оржит и Руф.
Спускаются по лестнице. Руф постоянно прикрывает руку
полой своей тоги.

А п о л л о н и й

А ты-то сам не пробовал бороться?
Ведь ты в Сенате человек известный.

Н е р в а

И потому сию я как на углях.
Никто упрек мне бросить не способен
Ни в чем – и оттого спокоен я.

Орфит и Руф подходят.

Вот, кстати и друзья мои, знакомься:
Гай Орфит, историк крупный и очень злой.
Квинт Марций руф, законовед известный.

О р ф и т

Ученый уникальный: познает он
То, что давно не водится в природе

Р у ф

Сказать могу я то же о тебе:

Гробокопатель! То, что все хоронят,

Старательно на свет ты извлекаешь

Н е р в а

Уснул сосед ваш?

О р ф и т

Будь он трижды проклят!

На кладбище иметь таких соседей

И то б не пожелал. Храпит ужасно!

А п о л л о н и й

Так он не друг вам?

Р у ф

С Армиллатом дружат

Лишь плаха и петля. Доносчик он.

Опаснейший подлец из тех, что тайно

Собирают сплетни, слухи, анекдоты.

Нескромный вздох готов истолковать он,

Как недовольство нынешним правленьем.

Н е р в а

О, сколько он достойных погубил.
Какие имена: Геренний, Рустик...

А п о л л о н и й
И все-таки он принят в вашем доме.

Н е р в а
Куда же нам деваться от него?

Р у ф
Прогнать его – тем самым показать
Сучувствие к его невинным жертвам.

А п о л л о н и й
Как все мне это слышать непривычно.
Такие люди... Цвет патрицианства,
И делят хлеб и кров свой с негодяем,
Которому на виселице место.

Н е р в а
Не то еще мы терпим от тирана.
А мы дивимся мудрости твоей
И той отваге дерзкой иль безумной,
С которой ты на цезаря напал.

А п о л л о н и й

Я, верно, вас подставил под удар.

О р ф и т

О, что ты право...

Р у ф

Мы не из пугливых.

Н е р в а

Я донести обязан на тебя.

Р у ф

Ты? Нерва...

Н е р в а

Иначе, бесспорно

Опередит нас подлый Армиллат.

Хотя уверен я, что не достанут

Философа ищейки Элиана.

Он легок на подъем.

А п о л о н и й

Мой скарб на мне.

Я сам, хитон и посох – все именье.

Я, как видишь, и без сандалий в жизни обхожусь.

О р ф и т

И в этом ты похож на Демокрита,
Который и от кружки отказался,
Увидев парня, пьющего из горсти.

Р у ф

Иль Диаогена, что, придя к Платону,
Стал попирать Платоновы ковры
И приговаривать: «Топчу твою гордыню!»
А тот ему:.....

А п о л л о н и й

...»Своей гордыней топчешь»...
Я счел бы правомерным твой упрек,
Когда бы своим рубищем кичился,
Шокируя общественные нравы.
Но я, прости, таков, каков я есть.
Что волосы мои? Да просто шерсть.
Каменья мне ничуть не ранят ноги.
Я их не замечаю, как и взглядов
Толпы глумливой, указаний пальцем
И выкриков мальчишек озорных.
Ведь я учусь у жизни простоте.

Н е р в а

Так учишься иль учишь?

А п о л л о н и й

Я учу

Учиться, ибо плод познания сладок.

Не зная, нет, его не обретешь.

Все знать, как выпить реку, невозможно,

Но можно познавать. Душой стремиться

К открытию истин, спрятанных в природе,

В душе народной – и в познание этом

Найти себя и свое место в жизни.

Вот каковым быть должно человеку.

О р ф и т

Но если мир весь ринется в науку,

Кто будет торговать, пахать и сеять?

Коль станут все философами, то...

А п о л л о н и й

Бездарных нет людей на белом свете.

Нет дураков...

Н е р в а

А кто же есть?

А п о л л о н и й

Слепые!

Воспитанные в скудости душевной,
В грязи животной, в блуде и затмении.
Они живут во тьме своих стремлений,
Грызутся, пьют и скотствуют уныло,
Затем, что жизнь сама их поощряет
К тому, чтоб быть подобными другим.
Их жизнь влачится в вечной колее
И в поисках дешевых развлечений,
В борьбе за власть, богатство или жизнь.
Как в этой гонке вечной сохранить вам
Высокое прозвание «человека»?
Где «хомо сапиенс»? Исчез иль не родился?
Круком я вижу «хомо ванитатус».
Суетный человек... Не человек,
А так... опять цитируя Платона:
«Двуногое животное без перьев
И с плоскими ногтями»...

Наступишую тишину пререзает истошный крик.

Н е р в а
Вы слышали?

О р ф и т
Еще бы!

Р у ф

Вопль ужасный!

Н е р в а

Скорей туда! Эй, люди! Что случилось?!

Вбегает раб

Р а б

О господин мой!.. Там!.. Там!..

Н е р в а

Скажи членораздельно: что случилось?

Р а б

Тот юный господин, которого велел ты...

Н е р в а

Он жив?!

Р а б

Зарезался!

Н е р в а

Убит! Сказать ты это хочешь?

Р а б

Войти никто в ту комнату не мог!
Зарезались! Мертвы актеры оба!

Вбегает второй раб с чучелом. С ним управитель, другие слуги и служанки.

2-й раб (потрясая чучелом)
Смотри, мой господин! Лежало это
Под простыней. Сработано искусно,
Решили мы, что это тот, второй,
А он бежал! Лишь чучело оставил!

Н е р в а (управителю)
Огня побольше! Собирай людей!
Найдите мне Париса! Поднимите
На пииски окрестные деревни!

Несколько человек вносят тело Дифила. Тогда же появляются и прочие участники второго явления: Армиллат с перевязанной рукой, сонный Клемент, на балкон выходит Домиция. Аполлоний осматривает тело.

А п о л л о н и й
Он мертв, конечно, только очень странно.
Что крик мы услышали только что...

Н е р в а

При чем тут крик?

А п о л л о н и й

Он мертв уж два часа.

И смерть его мне очень непонятна.

Почудился мне запах аконита

От губ его. Когда б ничто другое,

Решил бы я, что он отравлен был.

Но эти пятна синие на шее,

Язык опухший ясно говорят

Что мальчик был задушен беспощадно.

А нож, который в бок ему всадили,

Не вяжется ни с первым, ни с вторым...

О р ф и т

Вот, говорят, у кошки девять жизней.

А этому котенку даже двух

Кому-то показалось маловато.

А р м и л л а т

Несчастный мальчик! Как его любил я!

Р у ф

Взаимностью тебе он не платил.

Н е р в а

Друзья мои, обязан я немедля

Наместнику об этом сообщить.

Эй, кто там? Архилох, беги быстрее в город.

Скажи претору, я его прошу

Сюда ко мне немедленно явиться.

Да, к стати, попроси поднять когорту

И прочесать окрестные леса,

Чтоб скрыться не успел артист проклятый...

Входит П а р и с

П а р и с

Что здесь произошло? Я крик услышал...

(видит Дифила)

Дифил! Брат мой! Очнись! Открой глаза!..

Какой злодей посмел тебя коснуться?

Какой ехидны мерзостное жало

Гадючий яд излило на тебя?

Кто сделал это – он не человек!

Не зверь он даже хищный! Льва и волка

Сумел бы мальчик кротостью свою

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.